

Мог розрадітися воцми
и во бгачю чю-то Же
даскавшеі можі усом-
недсе в свої фінансь-
носі ♡

РИНА ХАРОС

ПЕПЕЛ ЖИЗНИ

**LIKE
BOOK**

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х21

Художественное оформление *Радия Фахрутдинова*

Форзацы, иллюстрации перед главами
и задняя часть вклеек *Александры Синявской*
Вклейки *Амелис*

Иллюстрация на обложке *Натальи Сорокиной (jwitless)*

Харос, Рина.

Х21 Пепел жизни / Рина Харос. — Москва : Эксмо, 2024. — 464 с. — (Young Adult. Хиты молодежного фэнтези).

ISBN 978-5-04-203593-7

Единственное желание джинна загадано. Тьма, что дремала несколько лет, вновь пробудилась ото сна, уничтожая своей ненавистью все живое.

Фея, оказавшись во дворце, узнала истинные мотивы демона, которые он скрывал под маской добродетели.

Олимп пал, избавившись от тирании богов.

Жизнь и Смерть объединились для создания новой эры. Но для всего нужна соизмеримая жертва.

Только любовь феи сможет победить зло, но успеет ли демон завоевать ее сердце, пока не стало слишком поздно?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Харос Р., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2024

ISBN 978-5-04-203593-7

ПРОЛОГ

*Стоит ли просить прощения,
если в войне проиграли оба?*

Каково это — ощущать собственное бессилие перед обстоятельствами и судьбой? Каково это — знать, что твой путь был пройден зря, что все, во что верил и надеялся, горит в огне собственных страхов и грехов?

Зевс знал об этом. Сидя посреди руин с обезумевшей супругой, похожей на разъяренную тигрицу и переставшей узнавать собственного мужа. Ее разум, столь обессиленный войной и бесконечными жертвами, дал трещину, которая стала уничтожать богиню изнутри. Мужчина окинул взглядом разрушенные статуи братьев и сестер, раскинувшиеся на много километров вокруг, буквально вытаптывая каменными глыбами все растения, безжалостно уничтожая все живое.

Олимп — проклятый небесный остров, ставший лишь временным пристанищем для алчных богов. Они могли все изменить... могли, но не стали. Жажда власти и крови обуяла нутро, заставляя творить поистине

ужасающие вещи — убийство братьев и сестер, пожирание их плоти ради гроша магии, подпитывавшей тело лишь на миг, которая оставляла после себя опустошение.

В ушах Зевса до сих пор стоял противный гудящий звук — Посейдон, которого поразила молния, отдал душу мойрам, ожидающим пробуждения третьей сестры. Они, рожденные от богов, уничтожали себе подобных, желая обезопасить смертных и чудовищ от безжалостных выживших. Зевсу с Герой не оставалось ничего, кроме как вновь испачкать руки в крови и напитать нутро магией Посейдона. Безжизненные глаза морского владыки устремились в небосвод, руки и ноги, вывернутые под неестественным углом, делали его похожим на сломанную куклу, которой наигрались и выкинули. Алая кровь Посейдона растеклась безобразными бесформенными кляксами, где виднелись остатки плоти и обглоданных костей. Широко распахнутый рот — безмолвный свидетель того, что Смерть не пожалела властителя вод и, забирая жизнь, напиталась его болью, подобно вину. Вспоротое брюхо раскрывалось в форме соцветия рваными лоскутами кожи, откуда свисали внутренности. Душа бога покинула его тело, но сердце продолжало отбивать свой ритм, существуя отдельно от плоти.

Удар, еще удар, тишина.

Тело, служившее временным пристанищем для Посейдона, перестало иметь свою значимость. Душа — вот что поистине ценно. Можно сменить тысячу безликих масок, которые не смогут выдать самые темные уголки, бережно скрывааемые грешником от людских глаз, но не потеряешь ли ты самого себя в этой череде обмана и лжи?

— Я знаю, что ты меня слышишь, — прохрипел Зевс, почувствовав, как треснула кожа на нижней губе, откуда потекла тонкая струйка крови, — знаю...

— Я не только слышу тебя, проклятое дитя, но и чувствую твой страх — за себя, за Геру. Она не заслужила такой участи.

Зевс обернулся и увидел позади себя Смерть, прислонившуюся спиной к разрушенной колонне и скрестившую руки на груди. Ее безупречное, как ночное небо, темное платье украшали серебристые нити, соединяющиеся в единый узор — девушка, вокруг которой клубилась золотистая магия, и мужчина, окруженный багровой дымкой. Их лица теряли очертания, но прикосновения были полны нежности и любви — его руки держали возлюбленную за талию, когда та в этот момент прижимала ладони к лицу мужчины.

Смерть кинула взгляд на Геру, которая тихо заскулила, обхватив себя руками и начав покачиваться из стороны в сторону. Ее взлохмаченные волосы сбились в единый колтун, обнаженное тело все было в царапинах и шрамах, ребра прорывались сквозь истонченную от голода кожу. Смерть подошла к богине и присела к ней на колени, ласково коснувшись ладонью щеки. Гера, словно ручной зверь, прикрыла глаза и прильнула к руке девы, продолжая плавно покачиваться, начав напевать мотив какой-то мелодии себе под нос.

— Бедное дитя, которое не заслужило подобной участи...

Смерть взмахнула свободной рукой, погрузив Геру в глубокий сон. Богиня плавно опустилась на каменную поверхность, подложила ладонь под щеку, и впервые за долгое время на ее лице отразилась улыбка, которая заставила сердце Зевса болезненно сжаться.

— Прекрати ее мучить...

В уголках глаз Зевса собрались слезы, но он смахнул их единственной уцелевшей дрожащей рукой. Он дополз до Геры на коленях и коснулся ее лица, убирая прядь непослушных волос за ухо.

— Не стоит винить других в своих грехах. Посмотри — разве этого ты добивался, когда устраивал никому не нужную войну? Разве должен был восстать брат против брата, заставляя невинные души проливать собственную кровь, чтобы угодить самому Зевсу? Запомни одну истину — власть не делает тебя лучше других, она лишь проверяет, как быстро ты прыгнешь в бездну собственного тщеславия и гордыни. Многих судьба не подводит к тонкой грани, за которой следует разрушение, поэтому они не могут познать истинную сущность безысходности. Ты мог предотвратить войну, стоило лишь поговорить с Аидом. Гордыня и жажда власти погубили тебя, братьев и сестер, Олимп. От вас остались лишь воспоминания и мираж прежнего могущества. Стоило ли это того, Зевс?

Зевс не стал отвечать на этот вопрос. Он прекрасно понимал с высоты прожитых в злости и ненависти лет, что сам привел Олимп к разрушению.

— Гера всегда была на твоей стороне, прощала измены и детей, которых неверный муж породил от смертных красавиц. Она заслужила, чтобы ты осознал одну вещь — чтобы спасти ее, ты должен принести соизмеримую жертву. Час придет, и ты заплатишь сполна.

Смерть растворилась, не позволив Зевсу сказать ни слова. Бог, запрокинув голову назад, закричал что было сил, не сдерживая слез. Гера тихо застонала и заворочалась во сне. Бог порывисто обхватил исхудалое тело супруги и крепко прижал к себе. Руки Геры

безвольно повисли, но прерывистое дыхание и ровный стук сердца говорили о том, что жизнь еще не покинула тело. Зевс поцеловал супругу в висок и до боли сжал челюсти, пытаясь сдержать рвущиеся наружу рыдания и крики отчаяния.

— Прости меня... пожалуйста, прости.

ГЛАВА 1

Астарты

*Свет и тьма сольются воедино,
даруя миру новый порок.*

Сладко потянувшись в кровати, я замурлыкала и, опустив руки на подушку над головой, посмотрела на восходящее солнце. Прохладный шелк простыней приятно скользил по оголенному телу. Зевнув, прикрыла рот ладонью и, откинув одеяло в сторону, встала с кровати. Дриады-мужчины, которые подрезали кусты во дворе, как один подняли взгляд и уставились в окно, наблюдая за тем, как я медленно начала надевать янтарный халат, перекидывая густые смоляные волосы назад.

После того как Вреклинг перешел во власть дриады, она смогла воссоздать новую ветвь существ — теперь дети природы рождались и в мужском обличье. Их магия была слаба, но вполне сгодилась для выполнения мелких поручений — обработка сада, лечение умирающего дерева, которое поразила неизвестная хворь, иссушающая корни. Дриады-мужины выглядели как обычные смертные — единственным отличием было

то, что вместо кистей — ветви, и часть лица украшала кора.

Накинув халат, я повязала его поясом и помахала садовникам, лучезарно улыбнувшись и обнажив белоснежные клыки, которые чуть выступали над нижней губой. Мужчины, замороженные зрелищем, приоткрыли рты и подались телом вперед, будто желали прикоснуться и вдохнуть аромат, исходящий от моего тела. Их вождение тонкой багровой стрелой пробивалось сквозь приоткрытое окно и растворялось во мне, отчего я шумно выдохнула и прикрыла глаза, произвольно сжав бедра.

Стук в дверь заставил оборвать магию, которая осыпалась пеплом на пол.

— Черт, — шикнула я и быстро зашторила окна, на цыпочках добежав до кровати и рухнув на нее. Укрывшись с головой, провела по лицу левой ладонью, меняя облик.

— Войдите.

Ласковый мелодичный голос разлетелся по комнате. Тотчас дверь распахнулась, и на пороге появился отец, зорким взглядом изучая комнату. Задержавшись на мне, он свел брови на переносице и, зайдя, шумно захлопнул дверь. Я вцепилась руками в одеяло и старалась придать лицу выражение страха.

— Отец, что-то случилось?

— Что ты опять натворила?!

— Отец...

— Астарта, не играйся со мной. Почему садовники не сводят каждое утро взгляда с твоего окна? Какого черта ты тут вытворяешь?!

Ярость, которой был напитан голос отца, могла уничтожить Пранту своей мощью. Я откинула одеяло, встала с кровати и неслышно подошла к мужчине,

сжимавшему и разжимавшему кулаки. В его глазах я видела собственное отражение — голубые глаза, румянец на бледном лице, зауженный нос, пухлые губы и глубокая ямочка на подбородке, как у брата. Сквозь темный халат пробивались бирюзово-золотистые крылья, которые подрагивали в такт дыханию.

Прикоснувшись к груди отца, я посмотрела на него из-под ресниц и проронила слезу, едва скрывая улыбку от того, как маска ярости дает трещину на лице мужчины. Шумно задышала и приоткрыла рот, избразив нехватку воздуха. Отец, напрочь забыв о цели своего визита, обхватил мои трясущиеся от рыданий плечи и попытался найти взгляд, который я всячески отводила.

— Астарта, прости, ради всех мойр, прости, я не должен был... дочь...

Я демонстративно пару раз всхлипнула и вытерла тыльной стороной ладони дорожку слез, шмыгнув носом.

— Отец, ты же знаешь, я бы никогда... эти мужланы... они только и ждут момента, когда смогут надругаться надо мной...

Выбравшись из хватки отца, я отвернулась к нему спиной и судорожно вздохнула, стараясь скрыть улыбку под черными волосами. Стыд, напоминающий прокисшее молоко, окутал собой всю комнату, не давая возможности сделать полноценный вдох.

— Мне больно осознавать, что ты мог поставить мою целомудренность под удар. Разве не доказывала я из года в год, что достойна твоего уважения? Что без колебания исполню любой приказ и просьбу? И это все, чем ты можешь мне отплатить — ежедневные упреки и обвинения в обольстительстве?

— Астарта...

— Имя играет большую роль в судьбе чудовища. Вы с мамой решили назвать меня в честь демоницы похоти и разврата в отместку брату? Чтобы доказать, что существо с чистой душой и адским клеймом может возродиться ангелом назло тьме, что витает вокруг имени, не так ли?

— Твой брат, он...

— Я желаю его видеть.

— Чт...

— Я желаю его видеть, — повторила я, вложив в голос всю боль и страдания, которые только знала моя душа.

— Это невозможно, — грубо отрезал отец и попытался приобнять меня со спины, на что я резко распахнула крылья в подобие щита, не позволив ему это сделать.

— Если ты не сделаешь этого, я сбегу. Отстрою бордель на собственные сбережения и стану там единственной женщиной, ублажающей мужчин. Такой судьбы ты хочешь для своего дитяти, отец?

Отец молчал, прекрасно зная, что в словесной борьбе ему никогда не выиграть. На все мои приказы и манипуляции поначалу он реагировал остро — запирал в комнате, ставил в угол голыми коленями на едва остывшие угли, заставлял повторять законы павших богов, которые, на его взгляд, должны наставить заблудшую душу на путь истинный. Но после того, как я стала сбегать, агрессивно реагировать на его ярость, решил сменить тактику и начал идти у меня на поводу.

Я знала, на какие болезненные точки надо надавить, чтобы отец сдался.

Папочка, мама сильно расстроится и ляжет с головными болями на несколько дней. Ты же не хочешь ее расстроить, правда?

Папочка, твой ангелочек хочет поиграться с этим мальчиком. Можно? Иначе я буду очень сильно плакать и страдать из-за отказа.

И сейчас, продолжая строить из себя обиженную дочь, знала, что он сдастся и выполнит просьбу.

— Мама была бы так счастлива увидеться со своим первенцем...

Тяжкий вздох отца за спиной, и улыбка, которая расцвела на моих устах.

— Сделаю все, что в моих возможностях. Но ты должна понимать, что я не всесильный... наше общение с Мулцибером...

Я не хотела выслушивать воспоминания отца. Сложив крылья за спиной, я вскинула руку вверх, призывая его замолчать.

— Просто приведи его домой. О большем не прошу. Утро только началось, а я так устала... отец, оставь меня одну.

Мужчина пытался сказать что-то еще, но я громко вздохнула, легла на кровать и укрылась одеялом с головой. Слышала его ворчание с минуту, а затем все звуки стихли. Приоткрыв обзор, я увидела захлопнутую наглухо дверь. Отец покинул комнату, оставив меня одну. Хищная улыбка появилась на моем лице. Откинув одеяло в сторону, я провела по щеке правой рукой, чувствуя, как зудит кожа. Осторожно выглянув из-за шторы, встретилась взглядом с молодым садовником, который шумно сглотнул и облизнул пересохшие от солнца губы. Поманив его пальцем, я с упоением наблюдала за тем, как он что-то начал судорожно объяснять товарищам и через мгновение скрылся из виду.

Спустя минуту в дверь постучались — сначала робко, затем удары стали настойчивее. Бесшумно

пробежав по комнате, я распахнула дверь и подмигнула садовнику, чьи руки-ветви судорожно сжимали темные штаны, колени которых были окрашены в зеленый цвет от травы, которую, должно быть, он полон и поливал несколькими минутами ранее.

Обхватив мужчину за воротник серой от работы с землей рубашки, я потянула его на себя, коснулась сухих губ языком и улыбнулась, услышав сладостный стон.

— Я видела, как ты подглядывал в окно, как нашкодивший мальчишка... нравилось то, что увидел сквозь окно?

— Да...да, — заикаясь, произнес мужчина и шумно глотнул, когда я обвила его за шею одной рукой, а второй прикрыла дверь, задвинув засов, чтобы никто не смог войти в комнату. Зарывшись пальцами в его волосы, чуть сжала их на затылке, встретившись с садовником взглядом.

— Как сильно ты хочешь меня?

— Намного сильнее, чем кого-либо.

— Моя госпожа.

— Простите?

— Называй меня — «моя госпожа».

— Да... моя госпожа.

Взгляд мужчины остановился на моих губах, деревянные руки осторожно скользили по талии вдоль халата, начав развязывать пояс. Чувствовала, как похоть и страх, что я могу оттолкнуть, овладевают его нутром. Проведя большим пальцем по губам мужчины, я чуть надавила на них, заставляя приоткрыть рот.

Отойдя на несколько шагов назад, я скинула развязанный халат, который упал к ногам. Откинула волосы назад, оголяя грудь и позволяя мужчине рассмотреть каждый сантиметр тела. Его руки дрожали, кадык